

Современная криминальная мелодрама

Елена Гордина

Ей надо остановить крушение собственной жизни
и спасти самых близких людей...

Падчирица Фортуны

Annotation

Красавица Анна Лакрицина, капризная и изнеженная дочь состоятельных родителей, в день своего тридцатилетия мечтала о веселом празднике в кругу друзей и последующем отпуске в Париже. Но мечты обернулись настоящим кошмаром – юбилей закончился ссорой гостей и безобразным скандалом, из-за которого Анна осталась без работы. Взбешенный муж выбежал из квартиры, а на оставшуюся в одиночестве Анну напал дворник-гастарбайтер, которому она, защищаясь, нанесла смертельный удар... В панике она срочно вызвала на помощь живущих в Черногории родителей, но они, прилетев, бесследно исчезли по дороге из аэропорта. Теперь Анне, в одночасье лишившейся всего, что ей было дорого, надо не только остановить крушение собственной жизни, но и спасти самых близких людей...

Елена Гордина

Падчерица Фортуны

© Гордина Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

Она подумала, что ей тоже перестало нравиться ее имя. Какое-то оно нарочито вычурное и киношное. Словно родители специально выбрали для нее такое, чтобы спустя тридцать лет хорошенько ударить за то, что она зовется Анной. Анюта машинально вытерла кровь с разбитой губы и, еще не ощущая боли, кинулась на огромную толстую бабищу, которую все здесь именовали Ржаной. Наталья Ржаная, крупная щербатая женщина неопределенного возраста, находилась в камере уже около года и, хотя в СИЗО обычно дольше не задерживаются, считалась здесь едва ли не смотрящей. Аня нелепо махала руками, пытаясь попасть по мясистому, красному, а главное улыбающемуся лицу Ржаной, и, конечно, промахнулась. Ржаная, даже особо не напрягаясь, отработанным ударом заехала Анне в живот, и та задохнулась от боли. Ощущения были довольно странными, Аня словно видела себя со стороны. Вот она заходит в камеру и первая со всеми здоровается. Вот спрашивает, где здесь свободное место. Ее спрашивают, как ее имя, и Аня спокойно отвечает: «Анна». И именно после этого ее начинают бить, словно она произнесла какое-то запретное слово, какой-то пароль, который развязал обитателям камеры руки.

Анна согнулась пополам, а затем упала на колени, судорожно хватая ртом воздух. Она старалась не плакать, так как хорошо помнила из советов, которые читала в Интернете, что в тюрьме нельзя плакать. Иначе тебя посчитают слабой и будут бить на потеху всем каждый день. Когда Аня читала эти советы, она находилась в другой жизни, в параллельном мире и даже в страшном сне не могла предположить, что когда-нибудь они ей пригодятся. Зато сейчас, стараясь скрыть бежащие по щекам слезы, Анюта опустила голову и зло трянула головой. От резкого движения и пульсирующей боли в животе камера поплыла перед глазами, и девушка едва не упала на холодный пол. Колоссальным усилием воли она заставила себя подняться на ноги и, не замечая крови, которая струилась у нее по подбородку из рассеченной губы, произнести:

– Я спрашиваю, где здесь свободная кровать?

Ржаная удовлетворенно оскалилась, и Аня увидела, что у женщины нет переднего зуба. Наталья, к ужасу Анюты, улыбнулась и махнула рукой куда-то в сторону окна:

– Вот там, но Анной мы тебя звать не будем. Ты у нас будешь Плешивая.– И Наталья громко рассмеялась.

Анюта машинально провела рукой по голове, она совсем забыла, что после того случая у нее нет половины волос, и, наверное, со стороны, она действительно выглядит как прокаженная. Девушка молча выпрямилась насколько смогла и, стараясь не кривиться от боли в животе, подошла к своей кровати. Так началась ее новая жизнь в следственном изоляторе временного содержания. Анюта подозревала, что останется здесь надолго, потому что и обвинение у нее было серьезное – статья 105, часть 2 УК РФ, или убийство с отягчающими обстоятельствами. Анна до сих пор находилась в какой-то прострации и не могла поверить, что эта грязная и тесная камера на восемнадцать женщин и есть ее новый дом на ближайшие несколько месяцев.

Аня, конечно, понимала, что лучше бы Екатерина сегодня не смогла прийти на ее день рождения, но, с другой стороны, как об этом сказать ближайшей подруге?

– Антоша, – обратилась Анна к мужу, – ты куда вино дел?

– Половина в холодильнике, остальное на балконе, – отозвался мужчина, доставая из кастрюльки вареные яйца. – Аня, их сначала чистить или сначала в холодную воду?

– Господи, – она поморщилась, – десять лет с тобой живем, все запомнить не можешь! Сначала в холодную воду, а потом чистить. И смотри не нарежь слишком крупно, на Новый год салат есть было невозможно, кусками покидал.

– Ладно, не ворчи. – Антон улыбнулся. – Ты ногти хотела накрасить к приходу гостей, успеваешь?

– Успеваю. – Аня тяжело вздохнула. – Я все думаю: хоть бы Катька не пришла! Может же у нее что-нибудь случиться! Горло там или живот заболеть...

– Почему ты так с ней жестоко? – Антон осторожно крошил яйца в салат.

– Потому что она знает, что Виталия встречается с этой феей, и ничего не делает! – Аня гневно всплеснула руками. – Да если бы я узнала, что у тебя любовница, я бы тебя убила! Вот просто взяла и придушила! И тебя, и эту потаскуху!

В дверь позвонили, и Анна Лакрицина, так и не успев накрамить ногти, поспешила в коридор. По дороге она машинально взглянула на стенные часы – до прихода гостей оставалось полтора часа. Кто мог прийти настолько раньше?

– Привет! – бросила Анна, стараясь не выдать раздражения. – Хорошо, что ты пришла!

Аня посторонилась и пропустила в квартиру Катю, студенческую подругу, с которой они до недавнего времени были неразлейвода.

– С днем рождения! – Екатерина Афанасьева, крупная тридцатилетняя брюнетка, кинулась к Ане с обнимашками. – Короче, не знаю, что тебе пожелать! У тебя все есть! Разве что сына или дочку!

Аня поморщилась, как от зубной боли, и отстранилась от жарких объятий подруги.

– Спасибо! – довольно сухо произнесла Лакрицина и взяла из рук Екатерины красиво украшенную коробку с бантом. – Проходи в комнату, правда, там стол еще не накрыт. Так-то до гостей еще полтора часа, – недовольным голосом продолжила Аня.

– Да я сейчас руки вымою и помогу Антошке, а то ты его совсем затюкала. – Катя быстро сняла обувь и пальто и напрямиком направилась в кухню. – Говорю, затюкала она тебя! Жена твоя суровая!

Антон в ответ лишь улыбнулся и приветливо помахал Екатерине рукой.

– Зато от меня муж не гуляет, – сквозь зубы и себе под нос прошептала Аня и ушла в комнату красить ногти.

Анна Лакрицина никак не могла одобрить поведения подруги. Как она может настолько себя не уважать? Мало того что делает вид, будто ничего не случилось, так еще и ничего не сказала мужу, даже после того, как сама увидела их переписку. Конечно, первым делом Екатерина прибежала к Анюте и, размазывая по щекам тушь, рассказала, как случайно обнаружила любовную переписку мужа и феи.

– Они там клянутся в вечной любви друг к другу, – захлебываясь слезами и мартини, который предусмотрительно принесла с собой, всхлипывала Афанасьева. – Ох, что же мне

делать?!

– Гнать его в шею! – Аня была категорична. – Вот если бы Антон мне изменил, я бы его просто прибила.

– Как прибила? – Катя вытерла слезы и посмотрела на подругу как на сумасшедшую. – По-настоящему прибила? Так посадят же! Да и потом, кому я нужна в тридцать лет с двумя детьми! – И Катерина снова залилась слезами. – Мне тридцать лет, я вешу восемьдесят килограммов, и у моего мужа любовница! – Афанасьева закрыла руками лицо и громко всхлипнула.

Аня промолчала, а про себя подумала, что Катя сама во всем виновата. Слишком верила мужу, слишком его любила, слишком много детей родила и расползлась как квочка. Неужели нельзя записаться в спортзал и привести себя в порядок после родов? Женщина должна выглядеть как женщина, а не как мешок с жиром.

Вот и сейчас, мельком взглянув в сторону подруги, которая вместе с Антоном резала яйца на салат, Аня отметила, что Катя снова поправилась. Ее развозило в стороны, словно на дрожжах. За те два месяца, как Афанасьева узнала, что ей изменяет муж, она еще прибавила лишних килограммов пять, если не больше.

– Катя, – позвала подругу Лакрицина, – иди сюда!

Екатерина высыпала порезанные яйца в миску, вытерла руки полотенцем и вышла из кухни.

– Чего тебе?

– Иди сюда. – Аня наредила ногти и теперь держала пальцы растопыренными. – Хотела тебе кое-что сказать!

Катя молча села в кресло, которое стояло напротив дивана, где расположилась Анна.

– Ты с Виталиком говорила? – Аня решила не толочь воду в ступе, а спросить прямо в лоб.

– Нет, – выдохнула Катя, – и не буду!

– Но почему?! – Анна начала злиться. – Почему ты так себя ведешь? Ты разве не понимаешь, что своим поведением совершенно развязала ему руки!

– Прекрати, – вспыхнула Катя, – я уже жалею, что все тебе рассказала! Это моя жизнь и мой муж, какое тебе до этого дело?

Лакрицина нахмурилась, она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали. Анна не допускала такого отношения ни со стороны мужа, ни со стороны коллег, а уж тем более не выносила подобного поведения от друзей.

– Ты, Катя, совсем на нервной почве съехала! – Голос Анны звенел от возмущения. – Я тебе помочь хочу, ты же реально деградируешь! Ну как такое возможно! У женщины должен быть характер, вот я бы никогда такого не допустила, потому что знаю себе цену. Не Антон, так найду другого мужчину и уж точно не буду убиваться по такому подлому изменщику.

– Ты думаешь, мне стоит поговорить с Виталиком? – Екатерина уже начала сомневаться в своем решении играть в молчанку.

– Конечно! Но если ты пока морально не готова, – Анна покраснела, щеки у нее пылали, – то нужно применить метод отстранения!

– Это что еще за метод такой? – Афанасьева нахмурилась, словно предчувствовала, что ничего хорошего ждать не следует.

– Это когда ты полностью перестаешь общаться с Виталиком! – радостно произнесла Аня, довольная, что к ней, как всегда, прислушались. – Ты отстраняешься от него

эмоционально, не общаешься с ним, у вас нет секса, тогда он напугается!

– Виталик напугается? – с сомнением в голосе переспросила подруга.

– Конечно! Он напугается, что может потерять тебя и семью, и сам бросит эту фею. Проверенный метод! Тысячи женщин к нему постоянно прибегают!

– А ты-то откуда знаешь? У тебя Антон вроде не изменяет?

Анна рассмеялась, рассмеялась так искренне и громко, что Екатерина невольно поморщилась.

– Антон? Мне? Он что, сумасшедший? Зачем ему это? – Аня искренне недоумевала, как такое вообще могло прийти в голову этой несчастной женщине.

– Аня, ты не представляешь, как это мучительно больно – знать, что твой любимый человек сейчас с кем-то другим! И как невыносимо страшно сказать ему, что ты уже все-все знаешь! Потому что пока эти слова не произнесены вслух, можно жить как раньше. Как раньше, будто ничего не случилось.

– Но как раньше уже никогда не будет! – возмутилась Анна. – Неужели в тебе совсем не осталось женской гордости? Я бы Антона выгнала в этот же день, а фею, прости, прибила!

Катерина задумалась. Похоже, она что-то хотела возразить, когда в дверь позвонили.

– Это гости! – радостно воскликнула Анна и выскочила в коридор. – Антон! Антон! Иди сюда, гости пришли!

Екатерина после разговора с подругой как-то совсем сникла, погрузилась и медленно тянула шампанское из высокого бокала. В разговоры не вступала, ушла в себя и о чем-то напряженно думала.

В комнату набилось довольно много гостей, и даже несмотря на то что гостиная у Лакрициных была не менее 30 метров, сейчас в ней было невозможно развернуться. Огромный стол, изготовленный, естественно, из натурального дерева, потому что хозяйка дома не переносила подделок, был выдвинут на середину. Высокие тяжелые стулья располагались по его периметру, а большие плетеные вазы были по случаю дня рождения Анны убраны на балкон. Обычно в этих вазах стояли сухие цветы, Аня любила сама составлять букеты и во все эти деревенские суеверия по поводу «мертвых цветов» в квартире никогда не верила. Сегодня плетеные вазы заменили стеклянными, несколько десятков роз Антон расставил вдоль застекленной лоджии, и теперь гостиная напоминала оранжерею.

Аня в зеленом приталенном платье, которое так выгодно оттеняло ее светлые волосы, беспрерывно смеялась. Действительно, сегодня был ее день, тридцатилетний юбилей. Прекрасный возраст, когда женщина еще красива и сексуальна, но уже наделена той самой «житейской» мудростью. Великолепное сочетание красоты, опыта и уверенности в себе – вот что представляла собой сегодня Анна Лакрицина.

Конечно, не всегда дела обстояли настолько хорошо, было время, когда у Аниной матери при-знали диабет и вся семья здорово переживала. Но потом ситуацию взяли под контроль медики, и все как-то более-менее наладилось. Отец Ани всю жизнь занимал высокий пост в Министерстве железнодорожного транспорта, зарплату получал очень хорошую, и поэтому Анина мама никогда не работала, а всю свою жизнь посвятила воспитанию единственного ребенка, то есть Ани. Аня Волошина, тогда еще она была Волошиной, с детства посещала и музыкальные, и танцевальные кружки, и мама даже водила ее одно время в театральную студию. Но Ане все это творчество было как-то не по душе, гораздо больше ее интересовали сухие цифры и иностранные языки. Несколько лет с лучшими репетиторами города пошли ей на пользу, к окончанию школы Анна уже могла довольно сносно изъясняться на английском,

однако дальше дела не двинулись. Анята очень легко, конечно, не без помощи папы, поступила в ведущий экономический вуз и уже на первом курсе познакомилась с Антоном Лакрициным, добрым провинциальным пареньком, для которого она всегда была, да и сейчас, спустя десять лет брака, остается королевой и богиней. Они поженились на третьем курсе, тогда отец Анны и подарил молодым шикарную трешку в центре города. А сами родители жили теперь в Черногории и вели небольшой бизнес, благо накоплений у них было вполне достаточно для безбедного существования.

Анна Лакрицина сразу же после института по просьбе отца была принята в ведущий банк города главным специалистом по работе с корпоративными клиентами и сегодня, к своим тридцати годам, уже занимала пост заместителя директора банка по развитию. Антон трудился в торговой компании руководителем отдела логистики. Он, конечно, не приносил домой зарплату больше, чем у жены, но по этому поводу не комплексовал и не буянил. Лакрицины жили хорошо и дружно, настолько хорошо и дружно, что уже давно задумывались о ребенке, но вот здесь у вечной отличницы и перфекционистки Анны случился какой-то сбой. Анализы мужа были в полном порядке, ее здоровье, за которым она так тщательно следила, тоже. Все было хорошо, но детей за десять лет брака так и не появилось.

Но, конечно, сегодня Анна про это и думать не хотела. Сегодня был ее день. Они с Антоном только что закончили в своей квартире обалденный ремонт, поэтому все друзья были приглашены на день рождения именно домой, а не в ресторан, как обычно. Очень хотелось убить одним выстрелом двух зайцев: и ремонтом похвастаться, и день рождения отметить.

Анята поправила серьгу в левом ухе – огромный изумруд в несколько карат, обрамленный белоснежной платиной, буквально полыхал зеленым светом. Это был подарок Антона. И Анна намеренно этим похвасталась.

– Друзья мои! – Она подняла бокал с шампанским. – Я хочу сказать вам спасибо, что нашли время и пришли меня сегодня поздравить. А также хочу поблагодарить своего любимого мужа Антона за такой великолепный подарок! – И Анна дотронулась до сережки в ухе. – И еще он подарил мне поездку в Париж!!!

– Вот это да! – завистливо выдохнула Екатерина, а остальные гости громко зааплодировали.

– Повезло же тебе, Анька! – воскликнула приятельница по фитнес-клубу. – И когда улетаешь?

– Через три дня! Все документы собраны! Чемоданы куплены! Свершится мечта всей моей жизни – я поеду в Париж! – Лакрицина тоже захлопала в ладоши. Поездка в Париж была мечтой всей ее жизни, Анна бредила Эйфелевой башней и Елисейскими Полями лет с пятнадцати, как только посмотрела документальный фильм о Марине Влади и ее романе с Владимиром Высоцким. Это было так красиво, так возвышенно, так романтично, что Анна решила: «Я обязательно буду в Париже». И когда Антон предложил съездить туда, приурочив этот подарок и к десятилетию свадьбы, и ко дню рождения супруги, Анна, конечно, закричала: «Да! Да! Да!»

Оформление документов, шенгенской визы они начали за три месяца до вылета, и все это время Анята не могла думать ни о чем другом, кроме предстоящей поездки. Она представляла себя в красивом платье, в дорогих туфлях на высоком каблуке, может быть, даже в шляпке. Она много раз видела по телевизору, как одеваются парижанки, мечтала

почувствовать на себе, каково это – пройтись по мосту Любви или выпить кофе напротив собора Нотр-Дам-де-Пари. Или полакомиться знаменитым сыром! Анна считала дни и заранее накупила кучу новых платьев и дорогих пафосных туфель. Она не хотела выглядеть в Париже как глупая провинциалка в джинсах.

Гости довольно чокались, выпивали, закусывали, и завязалась неспешная беседа интеллигентных людей. Большинство приглашенных были с Анютиной работы. Конечно, ее непосредственный руководитель Сергей с супругой Мариной. Пришла коллега Наташа с мужем, Анюта считала ее своей подругой. Были здесь и приятельницы из фитнес-центра, где Анюта уже несколько лет подряд поддерживала свою идеальную фигуру. Оля и Оксана тоже были приглашены вместе с мужьями. И только горемычная Екатерина Афанасьева, с которой Аня была знакома со студенческих времен, приперлась одна. Анна поморщилась: в тридцать лет уже неприлично приходить в гости без пары. Это моветон, потому что у любой нормальной женщины к этому времени уже должен быть как минимум муж. А то, что Виталик увлекся какой-то феей, Анну не особенно удивило, все-таки Екатерина себя порядком запустила после рождения второго ребенка. Но Анну возмущало, что подруга вела себя как тряпка и сейчас сидела одна за столом, с кислой и страдальческой миной.

– Лучше бы она не приходила! – шепнула Анна мужу, косясь на подругу. – Сидит с такой мордой, словно конец света наступил.

– Ну, у нее и правда горе! – Антон всегда славился вселенской добротой.

– Какое горе?! – возмутилась Анна. – Дура она и жить не умеет! Не ценит себя, вот и все!

Антон неопределенно пожал плечами – мужчина он был не скандальный и предпочитал отмалчиваться, если такое было возможно.

– Кстати, – Анютин босс уже немного захмелел от выпитого вина, – у меня недавно такой чудной клиент был! Не поверите, у него свой бизнес по производству минеральных удобрений, понятно, что без хорошей крыши в Роспотребнадзоре такие дела не делаются. Так вот, он предложил мне дать ему займ под его активы...

– Вот почему вы все, мужики, такие?

Анна вздрогнула и даже сначала не поняла, кто посмел перебить ее директора, но потом обернулась на голос и похолодела. Екатерина Афанасьева была уже совершенно пьяна, да что там, такой пьяной Анна не видела подругу лет десять, то есть как раз со времен веселой студенческой жизни.

– Катя! Замолчи немедленно... – начала было Лакрицина, но Афанасьева облокотилась на стол и громко и отчетливо произнесла:

– А ты вообще заткнись! Я не с тобой, я вот с ним разговариваю! – Екатерина обратилась к Сергею: – Я спрашиваю, почему вы все, мужики, такие козлы? Мне же Анька рассказывала, как ты трахаешь свою секретаршу в своем же кабинете, а эта дура, – Екатерина кивнула в сторону окаменевшей Марины, жены босса, – считает, что ты задерживаешься на работе! Что вам всем, козлам, только надо? Неужели вы не понимаете, как это мерзко и унижительно...

Афанасьева не смогла договорить до конца, расплакалась и выбежала из комнаты. Воцарилась гробовая тишина, было настолько тихо, что настенные часы, которые едва слышно отсчитывали секунды, сейчас звучали словно церковный колокол. Сергей, Анютин босс, покраснел, как вареный рак, он сидел, опустив глаза в пол, и по его одутловатому лицу текли крупные капли пота. Быть может, если бы он рассмеялся, или сострил, или как-то иначе смог отреагировать на спич Екатерины, ей бы никто не поверил. Гости бы решили, что пьяная женщина наговорила глупостей, но Сергей выдал сам себя. Его застали врасплох,

когда он меньше всего был готов к такому повороту событий, и он растерялся. У Сергея был настолько испуганный и виноватый вид, что ни у кого не возникло сомнений, что Екатерина сказала правду.

– Ублюдок, – прошипела жена босса Марина и с грохотом вышла из-за стола. Она выбежала в коридор и хлопнула входной дверью. Ушла, ни с кем не попрощавшись. На Анюту было страшно смотреть, она замерла в нелепой позе и не могла пошевелиться с того самого момента, когда Екатерина, заливаясь слезами, выбежала из гостиной.

Первым пришел в себя Сергей. Он окинул Анну уничтожающим взглядом и порывисто встал.

– Это какое-то недоразумение, – попытался исправить положение бледный как полотно Антон, но Сергей на него даже не взглянул. Он прошел мимо застывшей Лакрициной и громко хлопнул входной дверью. В комнате повисла гнетущая тишина.

– Мы, пожалуй, пойдем. – Анютины приятельницы из фитнес-клуба быстренько подхватили своих мужей и буквально выбежали из квартиры. За столом остались только Анна, которая до сих пор не могла прийти в себя, и Антон, который со все возрастающим беспокойством смотрел на жену.

– Анюта! Ты как? – осторожно спросил муж, дотрагиваясь до ее руки.

– Не трогай меня! – Она дернулась от него как от прокаженного. – Я же тебе говорила! Я тебе говорила, что всем будет лучше, если Катерина не придет! А ты такой сердобольный! Вот все жалеешь ее, а она мне жизнь испортила!

Лакрицина сорвалась на крик:

– Ты всегда городишь ерунду! Вот что мне теперь делать? Эта сволочь меня так подставила!

Анюта упала на диван и громко, с надрывом заревела. Антон неуверенно топтался на месте, а затем подошел к жене и осторожно, словно боясь обжечься, дотронулся до ее плеча.

– Аня, ты бы того, прекратила так убиваться! Ну подумай, сболтнула Катька лишнего! Так она перепила просто, да и нервы у нее на взводе. Я уверен, что она ничего плохого не хотела!

– Так ты ее еще защищаешь! – Лакрицина подняла на мужа зареванное лицо, перекошенное от ненависти. – Ты ее еще оправдываешь? Идиот! Скотина! Безмозглая скотина!

Антон в ужасе отшатнулся от Анны:

– Ты чего такое говоришь? Я-то здесь при чем?

– А ты давай, беги к Катьке! Она вон со дня на день без мужа останется! Будешь как раз ее выродков растить! Раз она тебе так мила!

– Ты сдурела? – устало выдохнул мужчина и повертел пальцем у виска. – Совсем ты, Анька, сдурела, вот что я тебе скажу.

– Сволочь! – крикнула Лакрицина и, схватив со стола тарелку с салатом, запустила ею в мужа. Она, конечно, промазала. Сделав красивый пируэт в воздухе и разбрызгав по комнате, подобно фейерверку, салат, тарелка упала на пол у балкона. Прямо под ноги ошалевшему Антону. Лакрицин еще раз покрутил пальцем у виска и вышел на балкон – покурить и перевести дух.

Анна, оставшись в комнате одна, в припадке дикой ярости начала крушить все вокруг. Она хватала с праздничного стола посуду и кидала в разные стороны. Блюдо с запеченной свининой угодило прямо в огромный телевизор-плазму, экран треснул, но Анна, кажется,

этого даже не заметила. Она схватила бутылку с вином и уже замахнулась ею, когда вернувшийся с балкона Антон остановил ее руку.

– Прекрати сходить с ума! – Он был совершенно спокоен, но лицо у него пошло красными пятнами. – Ты ведешь себя как истеричка! Мне противно на тебя смотреть! Что случилось? Подумаешь, пьяная подруга прищучила жирного ублюдка! Может, не стоило изменять жене...

Анна с удовольствием залепила мужу пощечину, и Антон замолчал на полуслове.

– Не смей ее выгораживать в моем присутствии! Она мне сегодня жизнь сломала, Сергей мне никогда этого не простит!

– Ты отвратительна, – Антон машинально прижал руку к красной щеке, – я пойду прогуляюсь.

– Иди! Вали отсюда! Можешь вообще больше домой не возвращаться! Катись обратно в свой Мухосранск!

Лакрицина совершенно слетела с катушек, она вылила на голову мужа целый ушат грязи, и пока за Антоном не захлопнулась выходная дверь, продолжала кричать. После его ухода в квартире воцарилась звенящая тишина. Аня вернулась в гостиную и огляделась: вся мебель была забрызгана салатом, на полу валялись осколки посуды и остатки еды. В комнате стоял удушливый запах, словно кого-то из гостей вырвало на пол. Лакрицина осторожно обошла стол и без сил опустилась на стул, который стоял вполоборота к кухне, разгромленная гостиная осталась у нее за спиной. Аня взяла сотовый телефон и позвонила родителям.

– Папа! У меня такой ужас! У меня такой ужасный день рождения! – И, захлебываясь слезами, Аня начала ему жаловаться: – Катька меня предала, а Антон, вместо того чтобы за меня заступиться, еще ее и выгораживает!

– Что там случилось? – Аня услышала, как мама вырывает у Геннадия Ильича, ее отца, сотовый из рук. – Доченька, что произошло?

– Антон вел себя просто по-скотски! Он защищает Катерину, а она рассказала жене Сергея, что он ей изменяет! Это в присутствии всех гостей! Сергей и Марина поругались прямо у меня на глазах и ушли! Все ушли! – Лакрицина снова залилась слезами. – Какой ужасный день рождения!

– А Антон где? – Тамара Андреевна очень переживала за дочь, особенно сейчас, когда они жили в нескольких тысячах километров друг от друга. – Что сделал этот неудачник? Как обычно, начал пускать слюни и разводить демагогию?

Тамара Андреевна всегда недолюбливала зятя, и это еще мягко сказано. Антон Лакрицин был, по ее мнению, слишком добродушным, мягкотелым, словно тефтеля. Да и по жизни ему явно была уготовлена участь неудачника: воспитывался он мамой и бабушкой, рос в неполноценной семье... Тамара Андреевна, которая всю свою жизнь отдала мужу и дочери, точно знала, что если у ребенка нет отца, то он вырастает неполноценной личностью. Особенно если отца нет у мальчика. У Антона Лакрицина отца никогда не было, его мама где-то нагуляла мальчонку, а потом всю жизнь его тянула, растила, надрываясь на нескольких работах, пока не умерла от рака в 41 год. Бессмысленная жизнь, бессмысленное рождение ребенка. Тамара Андреевна никогда не видела свекровь Анюты живой, но и по рассказам Антона поняла, что дамочка она была еще та. Анюта познакомилась с Антоном в институте, когда он уже был круглым сиротой и приехал из провинции вырывать себе место под солнцем. Конечно, Тамара Андреевна была категорически против этой свадьбы, потому что ее дочь достойна гораздо лучшего мужа, чем полноватый неудачник, безотцовщина, но Анна

и слушать никого не хотела. В нее словно вселился злой дух, она кричала и крушила все на своем пути, билась в истерике, пока родители не дали свое согласие на ее брак с Антоном. Геннадий Ильич сразу же подарил молодым трехкомнатную квартиру в центре города – живи да радуйся. В принципе Лакрицины жили неплохо, если не считать, что детей у них так и не появилось, а этот неудачник Антон так и не смог вырасти дальше начальника отдела логистики на каком-то затрепанном предприятии. И, конечно, сегодня Тамара Андреевна не удивилась, когда позвонила рыдающая дочь и сообщила, что Антон опять что-то там натворил.

– А я тебе говорила – не выходи за него замуж, – устало выдохнула Тамара Андреевна. – Он всегда был и будет тютей и размазней! Вот не послушала меня и жизнь себе испортила, – не унималась она.

– Ничего и не испортила, – Анна перестала всхлипывать, – мне всего тридцать лет, я могу найти хорошего мужика и послать Антона куда подальше. Пусть катится в свою деревню!

– Вот и правильно, – порадовалась Тамара Андреевна – наконец-то в голове у ее дочери стали возникать умные мысли. – Только ты в никуда не уходи, найди сначала мужика, а потом уж разводишься.

– Да мне это раз плюнуть, – Анна даже улыбнулась, – вон, у меня на работе сам босс со мной заигрывает, только он мне больно нужен.

– Он что, старый? – поинтересовалась Тамара Андреевна. – Не нравится тебе совсем?

– Он женат, но и это не главное, всегда можно развести. Он толстый, и лысый, и спит со своей секретаршей. Да и потом после того, что произошло сегодня, мне, скорее всего, придется уволиться.

– Ну и увольняйся! – Тамара Андреевна даже рассмеялась. – Папа вон говорит, что денег мы тебе отправим сколько надо. Ты приди в себя, отдохни, а потом уж найдешь другую работу, по душе. А может, и не придется работать вообще, если найдешь нормального мужика, не такого, как твой Антон, рохля.

– Может, ты и права, – задумалась Анна, – я чего-то устала – эта работа все силы отнимает! Может, как раз мне уволиться, заняться собой? Найти богатого мужика и жить так, как я заслуживаю!

– Верно, дочка! А где Антон сейчас-то? – вспомнила Тамара Андреевна.

– Не знаю, ушел куда-то. – Анна безразлично пожалала плечами. – Да куда ему идти? Кому он нужен? Вернется вечером, как всегда, впервые, что ли...

– Так вот это-то и плохо, что не впервые. – Тамара Андреевна вздохнула. – Ты работаешь как проклятая, а у тебя даже дома покоя нет. Увольняйся, дочка, деньгами мы поможем, сколько надо. И ищи Антону достойную замену, а то так и будешь всю жизнь с ним мучиться.

– Нет, я не хочу. – Анна уже совершенно успокоилась, действительно все, что ни делается, к лучшему. Не закатаи сегодня Катерина этот пьяный скандал, она бы сама и не решилась на серьезные перемены в жизни. Конечно, работа – это здорово, карьерный рост и все такое, но ведь когда-то надо и о себе подумать! Лакрицина справедливо решила, что если она полгода-год не будет работать, то ничего страшного не произойдет. В конце-то концов, с ее квалификацией и знаниями ее любой банк с руками оторвет. – Спасибо, мама, давай, папе привет там!

– Ты звони. – Тамара Андреевна заметно нервничала. – Мы скоро к вам в гости приедем, как вернетесь из Парижа, так и приедем! Папа деньги тебе на карту кинет, отдохни там и подумай насчет Антона.

Лакрицина прервала связь, поднялась со стула и пошла в спальню. Там она легла на кровать. «Подумай насчет Антона!» Как будто она сама не понимает, что он ей не пара. Впервые Анна серьезно задумалась об этом лет пять назад, как раз в то время у них возникли первые серьезные проблемы с рождением ребенка. Анюта тогда еще решила: если обследование покажет, что у них нет детей по вине мужа, то она, скорее всего, разведется с ним и снова станет Волошиной. С другой стороны, Антон был мужчина, идеальный в быту: он сам готовил, сам прибирал квартиру и всегда мыл посуду, потому что у Ани аллергия на моющие средства. Кроме того, Лакрицин был очень неприхотлив в плане одежды, и все заработанные деньги шли на обновление гардероба Анны. Да и вообще, с Антоном она чувствовала себя королевой, хозяйкой положения. Но мысль о том, что такая размазня и тефтеля, кроме нее, никому не нужен, с одной стороны, развязывала ей руки, а с другой выглядела как-то оскорбительно. Словно она, красавица, успешная бизнесвумен, живет с этим мужчиной только потому, что сама никому не нужна и довольствуется малым. Анна была о себе лучшего мнения, но о поисках другого мужика как-то серьезно не думала. В-первых, ее пока и так все устраивало, а во-вторых, было лень. Да и приличные мужики под ногами не валяются, их надо где-то подкарауливать, от кого-то уводить, а Анна Лакрицина не привыкла напрягаться.

Однако сегодня ситуация вышла из-под контроля, и Анна решила, что медлить больше нельзя. Конечно, она молодая, очень красивая, успешная и предприимчивая, но возраст берет свое. Если в тридцать лет не найти приличного мужа, то через пять лет поиски можно и не начинать, так как на рынке женихов останутся одни импотенты, безработные, гастарбайтеры и прочие непризнанные гении. Лакрицина уже успела насмотреться на работе на сорокалетних разведенков, как они носятся в угаре за любым членом и пытаются хоть как-то устроить свое женское счастье. Анна о таком и думать не хотела, она, конечно, до этого никогда не дойдет, но лучше не рисковать.

Пока Анюта размышляла, как ей жить дальше, в коридоре осторожно открылась дверь. Анна ухмыльнулась: «Ненадолго же его хватило!» Она точно знала, что это вернулся Антон. С видом побитой собаки сейчас начнет доставать ее своими слюнявыми извинениями.

Лакрицина тяжело вздохнула и повернулась на кровати спиной к входной двери. Она решила сделать вид, что спит, и, таким образом, избежать прямо сейчас покаяний и извинений со стороны мужа.

Антон в прихожей как-то долго шаркал, потом зачем-то он пошел на кухню, затем вышел в гостиную, и наступила тишина. Анна решила, что он наслаждается хаосом, который она произвела в квартире, и злорадно подумала, что именно ему придется все отмывать. Лакрицина закрыла глаза и притворилась, что спит, уж очень ей сейчас не хотелось выяснять отношения. Да и выяснять-то особо нечего, надо найти себе нового мужчину и оставить Антона в покое.

Анна была расслаблена и совершенно не готова к удару, поэтому, когда ей на голову обрушилось что-то тяжелое, даже не почувствовала боли. Просто резко потемнело в глазах, подступила тошнота, и что-то потекло по шее за шиворот того самого прекрасного зеленого платья. Лакрицина мгновенно подскочила на кровати и с удивлением посмотрела на Антона, который до сих пор стоял с ней рядом. Анна взглянула мужчине в лицо и с ужасом поняла, что это не ее муж, а какой-то темный грязный мужик с узкими глазами-щелочками и характерным мутно-желтым цветом лица. Он был похож на дворника-гастарбайтера, который подметал асфальт у них во дворе, а может, это был совершенно другой мужчина,

Анна не могла сообразить. Во-первых, все нацмены для нее были на одно лицо, а во-вторых, она была в шоке от происходящего. Лакрицина схватила с прикроватной тумбочки тяжелый раритетный светильник и что есть силы ударила мужчину по голове. Он громко вскрикнул, что-то с грохотом выпало из его руки на пол. Гастарбайтер пошатнулся и сделал шаг вперед, наверное, хотел просто опереться о кровать, но Лакрицина уже плохо соображала. Она набросилась на вора как коршун и начала наотмашь бить его светильником, пока мужчина не перестал шевелиться. Анна увидела, что дворник, если, конечно, это был он, лежит с закрытыми глазами, а его лицо уже давно превратилось в кровавую кашу, и только после этого отбросила светильник в сторону. Лакрицина, пошатываясь, перешагнула через тело гастарбайтера и пошла в ванную комнату, где дрожащими руками закрылась на щеколду. Она сползла на кафельный пол и, обхватив колени, прислонилась к холодной стене. Наконец-то. И вот тут Анна почувствовала сильную пульсирующую боль в голове и осторожно до нее дотронулась. Поднеся руку к глазам, она увидела, что все пальцы в крови, крови было так много, что она стекала на белоснежный кафельный пол, образуя лужицу. Лакрицина дотянулась до полотенца и, сложив его вдвое, прижала рану.

Надо было что-то делать, в квартире стояла пугающая тишина, наверное, она его все-таки убила, тогда надо вызвать полицию и «Скорую помощь». Но как бы плохо Аня себя ни чувствовала, она прекрасно понимала, что если сейчас приедет полиция и врачи и если она этого идиота все-таки убила, то ее ждет долгое изматывающее расследование, и на мечте, мечте всей ее жизни, на поездке в Париж можно будет поставить крест. Да ее никуда не выпустят, пока идет это долбаное расследование! Надо будет доказывать, что она спасала свою жизнь и поэтому превысила допустимые меры самообороны. Лакрицина осторожно поднялась на ноги и склонилась над раковиной, умылась холодной водой и, не рискуя посмотреть на себя в зеркало, вышла из ванной комнаты. Стараясь идти как можно тише, она прокралась по длинному коридору и подошла к гостиной. Дальше Анну словно парализовало, от леденящего ужаса она больше не могла ступить ни шагу. Девушка сползла на пол и осторожно высунулась из-за приоткрытой двери. Конечно, вор все еще лежал там, да и куда он мог деться с такой-то разбитой физиономией? Лакрицина сжала губы и на четвереньках, почти ползком, начала медленно продвигаться вперед. Она была напряжена как пружина и готова в любой момент вскочить на ноги и броситься бежать, если гастарбайтер пошевелится. Анна почти доползла до окровавленного тела, когда в прихожей хлопнула дверь и зажегся свет. Лакрицина подскочила как ужаленная и в паническом страхе оглянулась, ей пришло в голову, что вор пришел не один и теперь его подельники до нее доберутся.

– Господи... Аня... – только и смог вымолвить Антон, который, как и предполагала Анна, вернулся домой. Только на этот раз он вернулся слишком поздно. – Ты вся в крови... – в ужасе прошептал опешивший муж, но не сделал ни шагу в сторону жены, которая стояла, прислонившись к стене в коридоре.

Антон медленно перевел взгляд с белой как полотно женщины в глубь квартиры и заметил что-то темное на полу гостиной.

– Кто там? – у Антона дрожал голос, выглядел он страшно напуганным и продолжал стоять на месте, словно его ноги приросли к полу.

– Дверь закрой, – неожиданно хрипло произнесла Анна и смогла оторваться от стены. – Дверь закрой, говорю!

Она уже немного пришла в себя, и вид перепуганного мужа вызвал у нее приступ злости.

– Дверь закрой! – уже заорала она, видя, что Антон так и продолжает стоять как истукан.

От ее крика муж вздрогнул, потер рукой вспотевший лоб и медленно двинулся в сторону входной двери.

Пока Антон возился с замками, Анна, уже не приседая и не прячась, вошла в гостиную и приблизилась к телу. У вора был, вероятно, сломан нос, он как-то неестественно сместился в сторону и страшно опух. Под глазами залегли огромные синяки, а все щеки были словно изодраны когтями животного. Крови было так много, что Анну затошнило, и она отвернулась. Антон уже стоял рядом, он с возрастающим ужасом смотрел на развороченное лицо мужчины.

– Ты его убила? – дрожащим голосом спросил муж и тоже отвернулся.

– Я оборонялась, это вор, – уже почти спокойно ответила Лакрицина, она знала, что в экстремальных ситуациях после недолгого периода паники начинает мыслить здраво и рассудительно. Вот и сейчас она, уже практически не обращая внимания на перепуганного мужа, думала только об одном: куда спрятать тело? Больше всего Анна не хотела вызывать полицию и проводить затем несколько месяцев, а быть может, и лет под следствием.

– Ты вызвала полицию? – Антон словно прочитал ее мысли.

– Нет, и не собираюсь, – резко ответила Анна. – Он уже труп, его надо спрятать.

– Как спрятать? Куда спрятать? Да ты в своем уме! – сорвался на крик Антон. Его трясло, по полному лицу струился пот, словно он был в бане. – Почему ты до сих пор не вызвала полицию? Если ты этого не сделаешь, то это сделаю я!

– Только попробуй, – прошипела Анна. – Только попробуй, и ты ляжешь с ним рядом! Если сейчас приедет полиция, то мы не полетим в Париж! Мы будем под подпиской о невыезде! Я не могу отказаться от своей мечты, когда до нее осталось всего три дня!

– Ты больная, – тоскливо произнес Антон, но тем не менее оставил свои попытки вызвать полицию. – Ну и что делать с трупом? Расчленять?

– Это ты больной. – Анну передернуло. – Давай его вывезем за город и бросим где-нибудь в лесу.

– А как ты представляешь себе перевозку? – Антон медленно подошел к гастарбайтеру и снова отвернулся, настолько ужасно выглядело окровавленное лицо. – Мы везем труп в багажнике, а когда нас остановят, я скажу, что моя жена убила вора и решила его спрятать?

Гастарбайтер пошевелился и громко застонал, Антон и Анна, не сговариваясь, отпрыгнули от него в разные стороны.

– Он живой! – в ужасе прошептала Анна.

Антон лишь молча открывал и закрывал рот, со стороны он напоминал гигантскую толстую рыбину, выброшенную на берег случайной волной.

Вор снова пошевелился, на этот раз он даже попытался повернуть голову. Лакрицина запаниковала. Одно дело – выбросить в лесу труп, и совсем другое – добить живого человека. На последнее Анюта точно не была готова и поэтому растерялась.

Пока Лакрицина судорожно думала, как поступить дальше, гастарбайтер очнулся и попытался привстать, опираясь на локоть. Анна завизжала и отпрянула прочь, Антон с ужасом смотрел, как двигается окровавленное тело.

– Ну, что ты стоишь?! – закричала Лакрицина. – Сделай что-нибудь! Немедленно! Что за мужик такой? Тюфтя!

– А что ямогу сделать? – прошептал бледный Антон, пятясь от вора, который уже,

покачиваясь, встал на колени. – Давай полицию вызовем.

– Какую поли... – Лакрицина не успела договорить. Гастарбайтер поднялся на ноги и буквально кинулся на пятившегося от него Антона. Тот по-бабьи взвизгнул и толкнул вора от себя. Окровавленный мужчина пошатнулся и упал как раз на Анну, которая стояла неподалеку, бледная как полотно. Анна почувствовала его запах, тяжелый запах гнилых овощей, грязного тела, пота и еще какой-то невозможной гадости. Его лицо, которое теперь больше походило на кровавую раздутую лепешку, было так близко, что смрадное дыхание не давало Анне прийти в себя. Она неуклюже попятилась и упала на спину. И тотчас оказалась под тяжестью грязного окровавленного тела гастарбайтера.

– Антон! Антон! – задыхаясь, хрипела Лакрицина, она пыталась оттолкнуть вонючую тушу, но чувствовала, что силы ее покидают. – Антон! – уже кричала Анна, но муж так и стоял, застыв посреди комнаты, как каменное изваяние.

Лакрицина почувствовала горячие руки на своем горле и поняла, что вор, сам находясь в агонии, пытается ее задушить. Из последних сил она сбросила с себя мужчину и, перекатившись на бок, отползла в сторону. Антон продолжал стоять как истукан.

– Лакрицин! Бестолочь! – Анюта сорвалась на крик. – Да пошевелись же ты!!!

Муж шевельнулся и даже сделал шаг в сторону Анны, но, когда полуживой гастарбайтер снова попытался встать на ноги, выбежал из комнаты. Анна снова осталась наедине с преступником. Она шарила глазами в поисках тяжелого предмета, когда в комнату ворвался Лакрицин с битой в руках. Он подскочил к гастарбайтеру и буквально двумя ударами размозжил ему голову. Кровавая каша, волосы вперемешку с мозгами выплеснулись на дорожку паркет, и Анюту тотчас вырвало. Она упала на колени и, согнувшись в позе молящегося, опустошила желудок. Антон бросил биту в сторону и теперь с ужасом, граничащим с безумием, смотрел на серые комочки мозга, которые лежали у его ног.

– Зачем ты это сделал? – простионала Анна, поднимаясь на ноги. Она старалась не смотреть на то, что осталось от вора.

– Ты же сама мне сказала... – прошептал Лакрицин, – что я не мужик...

Анюта только махнула рукой и медленно вышла из гостиной.

– Пошли! – Она потянула мужа за рукав, закрывая за собой дверь. Она была бы счастлива, если бы эту комнату можно было не открывать никогда. Лакрицина вошла в ванную и первым делом сняла платье, пропитанное кровью и потом, – оно теперь больше походило на половую тряпку, чем на дорогой наряд от-кутюр. Антон стоял, прислонившись спиной к косяку, и отстраненно наблюдал за женой. Анюта умылась, рана на голове больше не кровила, но очень сильно болела. Еще утром белокурые волосы теперь были грязно-красного цвета, всклокоченные и спутанные. Лакрицина натянула первые попавшиеся футболку и джинсы, которые лежали в корзине для грязного белья, и посмотрела на мужа с нескрываемым презрением.

– Возьми себя в руки! – Она едва сдержалась, чтобы не заехать по его бледной физиономии. – Нам надо отмыть комнату и куда-то спрятать труп.

При слове «труп» Антон вздрогнул и очнулся.

– Я... я... я, – он заикался, – я не буду этого делать! Я сейчас позвоню в полицию и все им объясню! Я скажу, что он на нас напал, а мы защищались.

– Да на тебе нет ни одного синяка, – злорадно усмехнулась Анна. – Так, по-твоему, происходит драка? Я не позволю тебе звонить в полицию, мы должны улететь в Париж!

Антон промолчал. Анна, морщась от головной боли, стянула волосы в узел и села на

бортик ванны.

– Его надо вывезти на дачу и закопать там.– Она вздохнула.– Его никто и никогда не хватится!

Антон смотрел на жену как на сумасшедшую, рубашка у него взмокла, под мышками растеклись два больших темных круга. Редкие волосы на голове слиплись от пота, а лицо, и без того полное, совершенно ослабло и обмякло. Анна едва держала себя в руках – такой ненависти к мужу она еще никогда не испытывала. Лакрицина даже предположить не могла, что за один день ее в принципе хорошее отношение к мужу перерастет в такую жгучую ненависть. Хотя, возможно, это просто нервы, но сейчас у Анны не было времени размышлять над этим, сейчас надо было избавиться от трупа, для чего сначала привести в человеческий вид мужа. Аня собрала последние силы и подошла к нему.

– Антош, ты пойми, – начала она ласково, едва сдерживая позывы заехать ему хорошую пощечину, – я ведь даже не о себе думаю. Ну, Париж, да ладно Париж, куда он денется? Можно и потом, наверное, съездить. Снова три месяца собирать бумаги, заполнять анкеты. Но бог с ним! Но ведь если сейчас приедет полиция, то тебя увезут в кутузку или куда там увозят, потому что ты убил человека.

На Лакрицина было жалко смотреть, он сполз на пол и закрыл лицо руками:

– Это ты, это все ты, ты меня заставила! Я не мог. Я не хотел. Это ты...

И он расплакался, как ребенок.

Анна не узнавала собственного мужа. Конечно, Антон и в хорошие его дни никогда не был мачо, но чтобы так раскиснуть... Хотя совершенно нельзя предугадать, как поведет себя человек в экстремальной ситуации, пока он в ней не окажется. Некоторые так и проживают всю свою жизнь, никогда не сталкиваясь с чем-то из ряда вон выходящим, но Антону не повезло. И он растекся, как сметана.

Лакрицина присела возле мужа на корточки и, борясь с подступающей головной болью, подкатывающей волнами, обняла его. Ей не было его жалко, но она понимала, что от дальнейших действий мужа полностью зависит ее поездка в Париж.

– Антон, давай ты сейчас умоешься, я налью тебе валерьяночки, ты успокоишься. Потом мы уберем труп на балкон и помоем квартиру, а рано утром увезем его на дачу. Мы поедем объездными дорогами, медленно, и нас никто не остановит, потому что мы на фиг никому не нужны.

– А если остановят? – у Антона дрожал голос.– Аня, давай вызовем полицию, пока еще не поздно.

– Поздно, – холодно ответила она и убрала руки с его плеч, – ты его уже убил. Я поведу машину сама, если нас остановят, мы скажем, что везем труп в полицию, потому что он напал на нас вчера вечером. И мы были в шоке всю ночь и вот только пришли в себя. Но этого не случится.

– Если нас поймают, – Антон вытер зареванное лицо, – я скажу, что ты первая его ударила. Имей в виду, я один в тюрьме сидеть не буду.

Лакрицина опешила. Она настолько удивилась тому, что у ее мужа прорезался голос, да он еще делает такие заявления, почти угрозы, что даже растерялась.

– Ты мне что, угрожаешь? – Она нервно рассмеялась. Именно в этот момент Анна поняла, нет, почувствовала, как ее десятилетний брак развалился на куски. Она поняла, что никогда больше не сможет лечь в одну постель с этим мужчиной, с которым еще сегодня утром собиралась лететь в Париж в романтическое путешествие.

– Я тебя предупредил.– Антон тяжело поднялся с пола и пошел в гостиную.– Здесь работы на всю ночь,– пробормотал он как ни в чем не бывало.– Анна, неси тряпки, все, какие есть, ведра и пакеты.

– Сам принесешь,– огрызнулась она,– руки не отсохнут.

В ответ Антон лишь пожал плечами и пошел на балкон за моюще-чистящими средствами.

– Наверное, надо сначала его убрать,– крикнула мужу Анна, стараясь не смотреть на труп.– Может, его в плед замотать? Ковра у нас нет, пленки тоже, куда его засунуть?

– Я думаю, подойдут плед и простыни.– Антон уже вернулся с ведром и теперь надевал резиновые перчатки.– Неси постельное белье, ну, то, старое.

Анна кивнула и пошла в гардеробную, там на третьей полке сверху они хранили старье, которое было уже не нужно, но его почему-то было жаль выкинуть. Когда Лакрицина вернулась в комнату, прижимая к себе застиранные пододеяльники, Антон уже запеленал труп в яркий цветастый плед с дивана.

– Сейчас еще в пододеяльник замотаем, и можно потом перетянуть скотчем, чтобы в дороге не размотался.– Он потихоньку приходил в себя.

Анюта молча и сосредоточенно помогала мужу.

– Возьми за ноги! – попросил Антон.– И понесли на балкон.

Труп оказался на удивление тяжелым, и Анюта от неожиданности едва не выронила его из рук. Она подумала, что, пожалуй, вынести его из подъезда и погрузить в багажник будет несколько труднее, чем она себе представляла. Тем более что и подъезд, и лифты, и двор у них в доме были оснащены видеокамерами.

Они бросили замотанное тело на лоджию, и Анна с некоторым облегчением выдохнула:

– Теперь надо отмыть квартиру и выкинуть лампу и биту.– Она тоже натянула резиновые перчатки и положила в мусорный мешок разбитую лампу и окровавленную биту, но потом решила, что лучше сначала хорошенько отмыть улики, а уж потом выбрасывать. Пока Лакрицина оттирала под струей горячей воды кусочки мозга и капли крови с вещдоков, Антон взялся за уборку квартиры.

Они закончили только под утро, когда Анна уже в буквальном смысле падала с ног от усталости. Пока Антон выбрасывал окровавленные половые тряпки в мешок для мусора, чтобы потом сжечь его, Анна дошла до спальни и в чем была, прямо в грязных джинсах и футболке, залезла под одеяло. Уснула она моментально.

Антон едва доковылял до дивана в гостиной и тоже отключился. Супруги, не сговариваясь, впервые за десять лет совместной жизни легли спать в разных комнатах.

Анна проснулась от того, что кто-то пинал дверь в квартиру ногами. Трель дверного звонка разносилась по квартире уже несколько минут, но Анюта никак не могла выскользнуть из больного, давящего состояния, которое теперь у нее называлось сном. Лакрицина, по привычке пошлепав рукой рядом и не обнаружив на второй половинке кровати мужа, наконец-то проснулась. Грохот из прихожей доносился просто страшный, казалось, что кто-то пытается выломать дверь. Анна бегло взглянула на часы – половина пятого утра, значит, ей удалось подремать не более часа, за окном еще было темно, но небо уже серело в предвкушении приближающегося рассвета.

– Кто это? – в спальню заглянул растрепанный и помятый Антон.

– Откуда я знаю? – Анна вспомнила, что на балконе лежит труп, и сердце у нее ушло в пятки. А тем временем дверь продолжали пинать с утроенной силой.

Лакрицина подошла к Антону:

– Ничего не говори, пока тебя не спросят! Пошли! – Она толкнула мужа в коридор, и ее ноги тотчас ступили в ледяную воду. Воды было очень много, она с громким журчанием вытекала из ванной комнаты и быстро заливала всю квартиру.

– Мы затопили целый дом! – Лакрицина бросилась к раковине, из которой плотной рекой выливалась холодная вода. Последней умывалась Анна, она вымыла руки, лицо, а потом бросила окровавленную тряпку, ту самую тряпку, которой оттирала мозги с пола, в раковину... Дальше Лакрицина ничего не могла вспомнить. Возможно, от травмы головы, возможно, от усталости или стресса, у нее случился провал в памяти. Видимо, она бросила тряпку в раковину и, не закрыв кран, ушла спать. Анна выключила воду и, шлепая босыми ногами по коридору, подошла к входу.

– Хватит долбить! – Она распахнула дверь и прикрикнула на заспанных и злых соседей: – У нас трубу прорвало, чего вы орете как сумасшедшие?

– Так вы весь дом затопили! – завизжала молодая полная женщина, у которой под легкой ночной сорочкой в такт ее крикам колыхались огромные груди.

– Вы все вплоть до седьмого этажа залили! – возмутился всклокоченный мужчина в трениках, судя по его воинствующему виду, это именно он пытался вынести их дверь.

Лакрицины жили на девятом этаже, Анна быстро прикинула масштабы бедствия и рявкнула на соседей:

– Мы вам все компенсируем, идите по домам! – Она махнула на них рукой. – Нам еще воду с пола убирать.

Анна закрыла за соседями дверь и оглянулась. Антон уже собирал тряпкой воду и выжимал в ведро.

– Аня, иди спи, – он ползал по коридору на коленях, – я сам все уберу, ты чудовищно выглядишь.

Анюта благодарно кивнула и побрела в спальню. Она настолько устала и вымоталась в этот бесконечный день рождения, который, кажется, тянулся несколько лет, что, едва упав на кровать, тотчас уснула.

– Аня, просыпайся! – Лакрициной показалось, что прошла всего пара минут, как она легла, а Антон уже тряс ее за плечо. – Аня, пора ехать на дачу, вставай.

– Который час? – Анна не могла оторвать голову от подушки, никогда раньше она не

чувствовала себя настолько разбитой и больной.

– Семь утра, пора ехать, иначе потом проснется весь дом.

Анна усилием воли заставила себя сесть и тут же со стоном снова упала на кровать:

– Я не могу! Антон, я просто не могу! – Лакрицина закрыла глаза и повернулась к мужу спиной. Даже если бы сейчас обрушился потолок, она не смогла бы себя заставить выбраться из постели, и Лакрицин это понял.

– Хорошо, тогда спи! Отвезем его поздно вечером... – Конца фразы Анна не услышала, так как мгновенно провалилась в тяжелый больной сон.

Проснувшись Анна сама, за окном уже было темно. Она села на кровати и совершенно потерялась во времени. Не могла понять, какой сегодня день, что сейчас – раннее утро или поздний вечер, а самое главное – никак не могла вспомнить, почему у нее так адски болит голова.

– Антон! – позвала Анна, так как мужа не было рядом. – Антон!

– Что? – отозвался он – судя по голосу, она его разбудила.

Лакрицина тяжело спустилась с кровати и направилась в ванную. Проходя мимо гостиной, она обнаружила мужа, который с потерянным видом сидел на диване и сонно щурил глаза. Анна закрыла за собой дверь, наконец-то сняла грязную одежду и встала под душ. Она несколько раз меняла воду – от практически кипятка до ледяной, – пытаясь таким образом вернуть себе хоть какую-то энергию. Голова по-прежнему сильно болела, но хотя бы уже не была такой невыносимо тяжелой. Приняв душ, Лакрицина завернулась в махровый халат и вышла к мужу. Антон был на кухне, он сварил кофе и теперь пил его из своей любимой кружки.

– Хочешь? – кивнул на турку, которая стояла на плите.

– Конечно. – Анна села с ним рядом.

– Сейчас почти двенадцать ночи, мы проспали немногим меньше суток. В Париж нам вылетать через двадцать один час и сорок минут, а у нас труп на балконе. – Антон меланхолично пил кофе и как будто рассказывал жене интересный сюжет из сериала про наркобаронов. – Если мы сейчас повезем его на дачу, то нас точно остановят. Нет таких придурков дачников, которые бы рванули на огород в полночь. Если мы повезем его рано утром, то существует огромный шанс опоздать в аэропорт, потому что времени до нашего рейса останется где-то около пятнадцати часов, если мы выдвинемся в шесть утра... Предположим, мы потратим на дорогу туда и обратно три часа и там на захоронение около двух часов – и что у нас остается?

Анна вздохнула:

– Остается десять часов, мы все успеем! Тогда предлагаю прямо сейчас начать собирать чемоданы, потому что, когда мы вернемся с дачи, времени на сборы у нас не будет. И еще, то, что мы случайно затопили соседей, это просто подарок судьбы! – Анна допила кофе и потянулась за второй чашкой.

– Почему? – как-то безжизненно спросил Антон. Анне не понравилась его интонация. Складывалось впечатление, что ему совершенно все равно, что будет дальше.

– Потому что мы сейчас можем спокойно спрятать труп в шкаф-пенал, который стоит на кухне, и вывезти его на дачу под предлогом размокшей мебели. Правда, придется выбросить еще что-нибудь, чтобы было похоже на правду. Мы затопили полдома и теперь избавляемся от испорченной мебели и мокрых вещей.

– Нам не увезти шкаф на машине, нужен прицеп. – Лакрицин отвернулся от Анны и

смотрел куда-то в сторону. – Где ты его возьмешь?

– У Виталика есть, Катька говорила!

После всего произошедшего глупая пьяная выходка Екатерины Афанасьевой на дне рождения уже не казалась Анне такой ужасной. Если честно, то Лакрициной было совершенно наплевать и на своего босса Сергея, и на его жену-неврастеничку Марину, и на весь этот нелепый скандал. У Анны сейчас был отпуск, а когда она прилетит из Парижа, вся эта потасовка уже забудется или она что-нибудь придумает. В свете произошедшего после ухода гостей глупая разборка с боссом и его супругой полностью перестала волновать Анну. В конце концов, она может просто уволиться и немного отдохнуть от всего, как и предлагали родители. Но вот что делать с Антоном? Анна решила, что подумает об этом позже, а пока надо спрятать труп и улететь в Париж. И лучше, если она улетит одна, без мужа, после всего произошедшего Лакрицина совершенно не хотела видеть кислую физиономию Антона все это время. Да и потом, ей необходимо побыть одной и хорошенько обо всем подумать.

Лакрицин как-то безразлично пожал плечами:

– Ты думаешь, после всего она будет с тобой разговаривать?

Анна молча допила кофе и, ничего не ответив, пошла собирать чемоданы. Лакрицина и в страшном сне не могла себе представить, что вот так, ночью, наспех и торопясь, она будет готовиться к поездке в город своей мечты. Аня сложила свои вещи и задумалась. Если она не хочет лететь с мужем, то как ему об этом сказать? Пока Лакрицина размышляла, как отговорить Антона от путешествия, он наконец-то ушел в душ. Анна сидела возле чемодана мужа, вертела в руках первую попавшуюся его рубашку и думала, что бы такое сказать, чтобы он сам отказался от поездки. Устраивать скандал не было ни сил, ни времени, ни желания, да и потом, ей без помощи мужа с трупом не справиться.

– Все готово? – Анна так задумалась, что не заметила, как муж вышел из душа и приблизился к ней вплотную. – Все собрала?

– Да. – Анна быстро захлопнула его чемодан, она не хотела, чтобы муж увидел, что она покидала первые попавшиеся под руку вещи. «Надо спрятать его загранпаспорт!» – осенило Анну, и она улыбнулась мужу: – Да, все собрала! Теперь вытащи полки у пенала, и давай положим в него тело. Катьке я позвоню через час и попрошу прицеп.

– Это тот самый, в котором Виталик возит надувную лодку и палатку? – уточнил Антон.

Каткин муж был заядлым туристом, он вечно где-то пропадал то с лодкой, то с палаткой, то с байдаркой. Дачи у Афанасьевых не было, но прицеп был. В нем Виталик и перевозил с места на место свою громоздкую амуницию для активного отдыха.

– Да, тот самый. – Анна подошла к полке, на которой лежали их с Антоном паспорта, билеты и путевки.

– Дай-ка мне мой паспорт, – неожиданно попросил муж, словно догадался о ее планах. От неожиданности Анна растерялась.

– Паспорт? Да зачем он тебе сейчас? – Лакрицина покраснела и занервничала.

– Просто не хочу его забыть во всей этой суматохе. – Антон натянул прямо на влажные ноги джинсы и положил в задний карман паспорт, билет и документы. – Вот так надежней. Я пойду пока проверю машину, подготовлю ее к поездке, а ты звони Екатерине, уже пять часов.

Он надел свитер, кроссовки и вышел из квартиры. Аня в панике закружила по комнате. Значит, вариант с паспортом отпадает. Это означает, что ей придется терпеть его рядом во время всего сказочного путешествия! Лакрицина пока не могла собрать воедино все перемены, произошедшие в отношениях между ней и Антоном, но точно понимала, что так,

как раньше, больше не будет никогда.

Катерина ответила сразу же, было такое ощущение, что не спала.

– Виталика нет дома, – она говорила спокойно, но от ее интонации можно было замерзнуть, – он уехал на рыбалку. А зачем он тебе понадобился в такое время?

– Значит, он и прицеп с собой увез? – Анюта была готова расплакаться. Вот ведь не везет так не везет!

– Конечно, куда он без него. Тебе прицеп, что ли, понадобился? – догадалась Екатерина.

– Ничего мне не надо. – И, чтобы избежать дальнейших расспросов, Анна прервала звонок, не прощаясь. Лакрицина в панике закружила по комнате, все ее гениальные планы рушились буквально на глазах, а до поездки в Париж оставалось все меньше и меньше времени. Вызывать грузовую машину и чужих людей было рискованно, оставлять труп на балконе на неделю тоже нельзя. Чтобы успокоиться, Анна подошла к зеркалу и стала внимательно рассматривать рану на голове. Сама рана оказалась не слишком большой и уже затянулась, покрывшись бордовой корочкой, но вот шишка вокруг раны образовалась просто грандиозная и была заметна невооруженным глазом.

Анна решила, что придется какое-то время, пока голова полностью не заживет, носить бандану, а в Париже украшать голову шляпой или беретом. Но ни того, ни другого у нее в гардеробе не было, и, скорее всего, заехать в торговый центр, чтобы купить аксессуары к поездке, она уже не успеет.

Антон вернулся довольно быстро, он запыхался и тяжело дышал.

– Ты пешком, что ли, поднимался? – удивленно спросила Анна, глядя на потного и покрасневшегося мужа.

– Там соседи устроили мне травлю, говорят, что мы им должны выплатить кучу денег, пришлось убегать. Кстати, что с прицепом?

– Ничего. – Лакрицина нервно повела плечом. – У этой дуры муж снова уехал, по официальной версии – на рыбалку. Но прицеп взял с собой, поэтому труп вывозить не на чем.

– Что предлагаешь? Сейчас уже поздно вызывать полицию, прошло слишком много времени, и мы пытались скрыть улики, это же ясно.

– Купим ларь для заморозки, положим в него тело, а ларь выставим на балкон. – Анна понимала, что если пока вывезти тело нельзя, то придется его оставить в квартире. Но просто так оставить тоже нельзя, именно поэтому ей пришла в голову идея о глубокой заморозке.

– Ты сдурела? – Антон покрутил пальцем у виска. – Ты хочешь, чтобы это осталось у нас дома? Ты сможешь спокойно спать, пока он лежит в морозилке?

– Не истери, – выдохнула Аня. – Пока мы в Париже, он спокойно полежит в морозилке, а как вернемся назад, возьмем у Катки прицеп и увезем тело на дачу.

– Я против, я с первой минуты тебе говорил, что лучше вызвать полицию, но ты уперлась с этим Парижем! И вот теперь ты мне предлагаешь хранить труп в моем доме?! Ты больная!

– А ты баба-истеричка! – сорвалась-таки Анна. – Это ты во всем виноват с самого начала! Ты меня довел, потом ты куда-то уперся и оставил дверь открытой. А когда вернулся, то стоял как последний трус, не мог даже жопой пошевелить, чтобы мне помочь! Да ты же идиот конченный! Правильно мне моя мама говорит, что ты – обуза!

Антон в ответ лишь пожал плечами:

– Ну, так и оставайся одна! Меня больше не волнует, как ты собираешься прятать труп, и твой Париж тоже не волнует! Я никуда не полечу!

– Тогда убирайся к черту! – Анна подскочила к мужу и несколько раз наотмашь ударила его по лицу. – Иуда! Предатель! Тряпка! Баба!

Лакрицин осторожно перехватил Анину руку:

– Я ухожу! – Мужчина взял свой чемодан, который Анна подготовила к поездке в Париж, потом подошел к столу и бросил на него ключи от квартиры. – На развод я подам сам! За остальными вещами заеду позже.

– Убирайся! – Анна накинулась на мужа с кулаками, ее просто захлестывала ненависть. – Ты бросаешь меня в такой момент! Трус!

Антон быстро вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. Анна осталась в квартире одна, если не считать трупа на балконе. Лакрицина заметалась по комнате, но затем заставила себя сесть на диван и успокоиться, в таком состоянии она точно ничего бы не придумала.

Анна несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, затем досчитала до десяти и обратно и посмотрела на часы. Было около десяти утра, значит, уже можно было ехать в магазин за морозильной камерой. С другой стороны, на улице май, не так уж тепло, а в ближайшие дни вообще обещают заморозки, труп может полежать несколько дней и просто на балконе, наверное. Лакрицина не знала, как поступить, а посоветоваться ей было не с кем. Ну не посвящать же в такие жуткие подробности родителей, да еще по телефону. До вылета оставалось чуть больше восьми часов, и Анна решила, что успеет съездить в магазин и купить морозильный ларь, привезти его домой и спрятать там тело. Что делать дальше с мужем-предателем, Анна пока и думать не хотела, но то, что ее месть будет страшной, не сомневалась ни минуты.

Она быстро переделалась в джинсы и свитер, наложила густой макияж, чтобы скрыть темные круги под глазами, повязала бандану и надела темные очки.

И поехала в супермаркет бытовой техники. Она старалась все делать как можно быстрее, но, как назло, весь город стоял в пробках, словно сегодня был выходной день.

– Быстрее! Давай быстрее! – Анна то и дело давила на клаксон, чтобы заставить нерасторопных водителей двигаться быстрее. Но как бы она ни хотела ускорить движение, а все-таки застряла в адской пробке. Впереди стояла длинная вереница машин, и казалось, что у нее нет начала. Анна вышла из машины и огляделась, некоторые водители тоже покинули свои автомобили.

– Вы не знаете, что там происходит? – Аня обратилась к невысокому полному мужчине, который вышел из соседней машины.

– Говорят, авария какая-то. – Мужчина пожал плечами. – Можно сходить и посмотреть, все равно в ближайшие два-три часа нам отсюда деваться некуда.

Анна мысленно схватилась за голову.

– Как – три часа? Вы уверены? У меня самолет скоро, я улетаю. В Париж, – немного подумав, добавила Аня.

– Ну, тогда я вам советую идти до дома пешком, а оттуда вызвать такси, потому что здесь мы стоим несколько часов, это точно.

Анна вернулась в машину и дрожащими руками взяла сотовый телефон. Пока она стоит в пробке, имеет смысл обзвонить все ближайшие магазины, чтобы узнать о наличии морозильного ларя и заказать доставку на сегодня. Лакрицина, стараясь не впадать в панику,

методично обзванивала один магазин за другим, и везде ее ждало разочарование. В одних магазинах не было морозильных камер такого размера, в других были, но доставку могли осуществить только в течение трех дней, а в ближайшем супермаркете, куда Анна собиралась доехать, вообще подобные модели были только под заказ. А заказ надо было ждать около десяти дней. Лакрицина посмотрела на время – до самолета оставалось пять часов, а она намертво застряла в пробке. За тот час, что она здесь простояла, автомобили не сдвинулись ни на сантиметр. Анна осторожно повернула направо и медленно поехала прямо по тротуару, осторожно сигналив напуганным пешеходам. Она успела отъехать от дома совсем недалеко, поэтому сейчас ей стоило преодолеть по тротуару метров пятьсот, завернуть к себе во двор и...

Анна даже не поняла, откуда взялся инспектор ГИБДД, он словно вынырнул из-под земли и замахал полосатой палочкой прямо перед ее носом.

– Немедленно остановите автомобиль! – приказал он, и девушка подчинилась. У Анны оборвалось сердце – как же ей не везло в последнее время, словно ее кто-то проклял!

– Предъявите документы и немедленно покиньте транспортное средство! – приказал молодой парень в форме. – Вы что, рехнулись? Да как вы можете ехать по тротуару в центре города среди бела дня? Вы пьяная?

Перепуганная Анна протянула инспектору документы и пролепетала:

– Я трезвая, я в аэропорт опаздываю, у меня самолет в Париж улетает!

– Очень жаль, – хладнокровно ответил инспектор, – но вам придется заплатить штраф, а ваш автомобиль сейчас увезет эвакуатор.

Анна удивленно пожала плечами:

– Эвакуатор? За что? Я же просто хотела объехать пробку! Давайте я вам не только штраф заплачу, и вы...

– Вы мне взятку, женщина, предлагаете? – У инспектора нехорошо полыхнули глаза. – Вы в тюрьму захотели? Я забираю ваши документы, отдайте мне ключи от автомобиля. Вот ваша квитанция, оплатите штраф, принесете квитанцию об оплате в отделение, и я верну вам ваши права. Все ясно?

Лакрицина решила не спорить, в конце-то концов, в ближайшие десять дней техпаспорт и права ей совершенно не понадобятся, пока она будет гулять по Елисейским Полям. Анна решила больше не испытывать судьбу и молча протянула инспектору документы в файле, ключи от автомобиля и взяла у него из рук квитанцию.

– Куда принести корешок об оплате? – стараясь говорить как можно вежливее, поинтересовалась она.

– Проспект Космонавтов, 87, – сухо ответил инспектор и демонстративно от нее отвернулся.

«На другом конце города, – с тоской подумала Анна. – Как вернусь из Франции, придется тащиться на другой конец города за правами!» Лакрицина поспешила скрыться с глаз сурового инспектора ГИБДД как можно быстрее, еще не хватало, чтобы он ее привлек за предложение взятки. «Какой принципиальный! – злилась она, ускоряя шаг. – Ишь какой принципиальный! Наверное, за ними теперь следят на каждом шагу, вот они и перестали брать взятки». К своему дому Анна уже почти бежала, даже запыхалась, когда ей дорогу перегородила соседка снизу.

– Эй! Ты! Как там тебя! – Бабка обнажила черные зубы. – Ты мне все квартиру залила! А мы только неделю как евроремонт закончили!

– Вызывайте комиссию из ЖКО, пусть они оценят ущерб, – огрызнулась Анна. – У меня кран сорвало, мы тоже не виноваты.

– А кто мне евроремонт оплатит? – Бабка поправила на груди грязную, в кошачьих волосах, кофту. – Ты что, отказываешься?

– Подавайте в суд, – отмахнулась от нее Анна и под градом посыпавшихся на ее голову проклятий вбежала в подъезд. В квартиру она вошла уже совершенно без сил, сняла кроссовки и повалилась на диван. До вылета оставалось четыре часа, и если она не хотела опоздать на рейс, такси надо было вызывать прямо сейчас.

Лакрицина вышла на балкон и впервые посмотрела на труп. Завернутый в пододеяльники и плед, он лежал в самом углу лоджии, заваленный старыми банками и книгами. Наверное, это Антон так попытался его замаскировать в силу своей ограниченной фантазии. При мысли об Антоне Анну передернуло, теперь она его уже просто ненавидела – как он мог бросить ее в беде! Бросить наедине с трупом, да еще и за несколько часов до самолета!

– Надо было давно с ним развестись! – пробормотала Анна, одеваясь. Она закрыла дверь на все замки и потянула за ручку огромный чемодан на колесиках, в котором лежала вся ее одежда, бережно купленная для прогулок по Парижу.

«Может быть, я там еще и познакомлюсь с каким-нибудь интересным мужчиной», – подумала Лакрицина, переживаний по поводу ухода мужа у нее пока не было. Анна понимала, что после возвращения из отпуска ей предстоит распутывать целый клубок проблем, начиная со скандала с боссом и заканчивая трупом на балконе, который как-то надо будет увезти на дачу и там где-то закопать. Да еще эта история с правами и машиной! Но все это будет потом, гораздо позже, а сейчас она улетает в Париж!

До аэропорта Анна добралась без приключений. Боялась, что такси застрянет в пробке, или что у автомобиля спустит колесо, или что они попадут в аварию – все что угодно, лишь бы она не попала на рейс. Но когда до вылета оставалось почти три часа, а Анна уже находилась в международном аэропорту, она немного успокоилась. Похоже, черная полоса неудач наконец-то закончилась. Анна посмотрела на табло – до регистрации на рейс Екатеринбург – Париж оставалось еще сорок минут, поэтому она зашла в кафе и взяла бутерброд и кофе. За последние двое суток, начиная со своего безумного дня рождения, на котором Екатерина Афанасьева устроила этот безобразный скандал, она почти ничего не ела. Анна пригубила кофе, а вот есть бутерброд ей совсем не хотелось, все время тошнило и кружилась голова. Конечно, после такого удара небольшое сотрясение мозга гарантировано, но изматывающая тошнота уже порядком надоела. Лакрицина тяжело вздохнула и допила кофе, а заставить себя съесть бутерброд так и не смогла. Анна посмотрела на часы – до регистрации оставалось двадцать минут, и она почти успокоилась.

«Теперь все будет хорошо! – выдохнула Анна. – После Парижа я спрячу тело на даче, разведусь с Антоном и уволюсь с работы. Я просто буду отдыхать и радоваться жизни, буду путешествовать, а возможно, даже поживу некоторое время у родителей». Сейчас, когда Анна решила резко и окончательно порвать с прошлым, здесь ее уже больше ничего не держало. «Удивительно, – продолжала размышлять она, – если бы не этот ужас с убийством гастарбайтера, я бы так никогда и не узнала, какой трус и ничтожество мой муж!» Лакрицину даже передернуло от омерзения. Она вспомнила, как Антон рыдал, сползая по стене, и тяжело вздохнула. Порой можно прожить с человеком вместе половину жизни и не понять, что он представляет собой на самом деле. Конечно, Антон был некрасивый полный

мужчина, он был далеко не сексуальный гигант и не отличался особой харизмой, но такой откровенной трусости Анна за ним раньше не замечала. С другой стороны, у них и не возникало таких ситуаций, в которых Лакрицин мог проявить себя как настоящий мужчина. Все и всегда за них делали ее родители, так что Антон просто спокойно пользовался дарами родни и вел себя прилично. Однако Ане стало как-то тоскливо, что она будет в городе влюбленных совершенно одна. И хотя ее развод с мужем уже казался делом решенным, Лакрицина именно сейчас почувствовала, как это плохо – оставаться одной. Она тяжело вздохнула и вышла из кафе – пора было регистрироваться на рейс.

«С другой стороны, – размышляла Лакрицина, – может быть, Антон просто растерялся, а в шоке человек ведет себя совершенно неадекватно! Может быть, я его даже прощу, но только ему для этого придется за мной очень сильно побегать!»

Анна ни секунды не сомневалась, что когда она вернется из Парижа, Антон уже будет обивать ее пороги и умолять его простить, вот только готова ли она снова ему поверить? Что будет, если в критической ситуации он опять поведет себя как трус? Да и потом, ее мама была права: с таким мужем можно только медленно тонуть... Пока Анна пребывала в своих грустных мыслях, подошла ее очередь к регистрационной стойке.

– Пожалуйста, предъявите документы, – попросила ее вежливая девушка в форменной одежде.

Анна положила на стойку билет и загранпаспорт и выдавила из себя улыбку.

«Скорее бы уже оказаться в самолете и наконец-то уснуть!» Всеми мыслями Анна уже была в Париже.

– Ваш российский паспорт, пожалуйста, – попросила девушка за стойкой, уже немного нервничая. – Предъявите паспорт, пожалуйста.

Анна снова полезла в сумку, перевернула все ее отделы, но паспорт так и не нашла.

– Готовить документы на регистрацию надо заранее, – сквозь зубы процедила девушка в форме. – Вы очередь задерживаете, отойдите в сторону, пока ищете паспорт.

Лакрицину бросило в жар, она дрожащими руками в десятый раз проверила все отделы и кармашки сумки, но паспорта там не было.

– А разве одного загранпаспорта не достаточно? – поинтересовалась Анна, все еще надеясь как-то исправить положение.

– Нет! Ищите паспорт, если вы его не найдете, я буду вынуждена отказать вам в регистрации на рейс.

У Анны потемнело в глазах. Она поняла, где сейчас находится ее паспорт. Вместе с другими документами на машину он лежит в отделении ГИБДД на проспекте Космонавтов, 87! А это означает лишь одно: что в Париж она не летит!

Вернувшись домой из аэропорта и вдоволь наревевшись, Анна впервые обратила внимание на странный запах, словно гниют фрукты где-то у соседей на кухне. Запах был слабый, но жутко противный, и, опухшая от слез, она вышла на балкон, чтобы посмотреть, от кого из соседей так воняет. Но стоило ей открыть дверь на лоджию, как сразу стало ясно, в чем дело: это гастарбайтер, труп, который она сначала не захотела отдавать полиции, а потом не смогла спрятать. Конечно, сейчас Анне стало понятно, что Антон был прав: вся ее дурацкая затея с захоронением тела подошла бы для детективного романчика, но была совершенно непригодна для реальной жизни. Однако Анна в тот момент и думать ни о чем не могла, кроме как о поездке в Париж, и это сбило ее с правильного пути. Что теперь делать с разлагающимся на балконе трупом, Анна не представляла. У нее даже промелькнула мысль позвонить в полицию и во всем признаться, лишь бы этот ужас закончился, но потом Лакрицина поняла, что если она позвонит в полицию, то все только начнется. Совершенно понятно, что после всего, что они с Антоном сделали для сокрытия улики, из потерпевших они станут обвиняемыми. Лакрицина с шумом захлопнула дверь на лоджию и открыла ноутбук, надо было срочно сделать интернет-заказ на морозильный ларь и его доставку до дома. Анна была готова заплатить любые деньги, лишь бы скорее спрятать тело.

– Когда у меня снова появится машина, – рассуждала Анна, – я тотчас увезу его на дачу. А пока пусть полежит на балконе.

Лакрицина оплатила интернет-заказ банковской картой и легла на кровать. Так же сильно болела голова, тошнота не оставляла ее ни на минуту, но показаться врачу Анна почему-то боялась. Хотя как разбитую голову и вероятное сотрясение мозга можно связать с убийством дворника, Анна не знала, но все равно боялась. Лакрицина решила, что если она не умерла от удара по голове до сих пор, то вряд ли сделает это в ближайшее время, а тошноту и потерпеть можно. Она дотянулась до телефона и позвонила родителям, трубку взяла мама. И, едва услышав ее голос, Анна не смогла сдержать слез и разревелась в голос, чем, конечно, страшно перепугала Тamarу Андреевну.

– Анечка! Ты почему не в Париже? Что случилось? – Мама ужасно разволновалась.

– Ой, мама, здесь такое творится! – Лакрицина размазывала слезы по лицу. – Антон меня бросил в беде, по телефону не могу сказать, что случилось.

– С тобой все в порядке? – Из рук матери трубку рвал Геннадий Ильич. – Дочка, что там у тебя происходит, черт возьми?!

– Ой, папа, такой ужас! – снова разревелась Лакрицина. – По телефону не могу рассказать, прилетайте как можно скорее!

– Ты здорова? С тобой все в порядке? – Голос отца звенел от волнения. – Почему ты плачешь?

– Меня Антон бросил в беде, – не унималась Анна. – И пропала путевка в Париж, а я так мечтала туда полететь!

– Дочка! – Тамара Андреевна оттолкнула отца в сторону. – Мы уже собираемся, завтра в десять утра будем у тебя! Прилетим первым рейсом! Папа вон уже билеты онлайн заказывает! Ты успокойся и все мне расскажи, я ничего не понимаю. Где Антон и почему вы не полетели в Париж?

Лакрицина постаралась взять себя в руки.

– Антон меня бросил, у нас здесь случилась беда, он струсил и убежал.– Анна всхлипывала.– А в Париж я не попала из-за нелепой случайности!

– Ну и плюнь ты на этого Антона! – Мать завела любимую песню.– Он никогда не был тебе парой, идиот! Я как прилечу, позвоню и обматерю его, негодяя! А из-за Парижа вообще не волнуйся, папа вон говорит, привезем тебе завтра денег, и купишь себе горящий тур по Европе, побываешь не только в Париже, а вообще развлечешься по полной. Увольняйся и отдохни, попутешествуй по миру, потом решишь, как и где жить. Может, к нам переедешь?

– Может, и к вам.– Анна успокоилась. Ну и что, что Париж сорвался? Завтра родители привезут деньги, и она сможет уехать в кругосветное путешествие. А папа увезет труп на дачу и там его куда-нибудь спрячет. Анна всегда получала то, что хотела, вот и на этот раз у нее все будет – и Париж, и спокойная жизнь, и отдых. Она действительно адски устала, и ей пора хорошенько развлечься. Что же касается Антона, то Лакрицина решила пока взять тайм-аут, быть может, она его еще и простит, если он будет хорошенько ползать у нее в ногах. А что этот бесхребетный Лакрицин будет ползать у нее в ногах после того, как родители оплатят ей кругосветное путешествие и закопают труп, Анна не сомневалась. В конце-то концов, когда они жили без происшествий, Антон вел себя вполне прилично. А Анюта тем временем спокойно подыщет ему хорошую замену – оставаться в разведенках она не собиралась.

– Вот и хорошо.– Тамара Андреевна тоже немного успокоилась.– Ты ложись спать, мы завтра как прилетим, сразу позвоним тебе из аэропорта.

– Хорошо! – Анна прервала связь и вытерла слезы. Ну вот все и закончилось, и плевать на этот Париж – чего она так расстроилась? Наверное, просто нервы. Анна поднялась с кровати и пошла на кухню, открыла холодильник и долго смотрела на его содержимое, но кусок совершенно не лез в горло, поэтому девушка захлопнула дверцу и налила себе чаю. Ароматный, дорогой, эксклюзивный зеленый чай, который Антон покупал специально для нее в крутом чайном бутике и сам всегда для нее заваривал.

«Интересно, – размышляла Анна, удобно устроившись с чаем на диване перед телевизором, – знает ли Антон, что я не улетела в Париж? А если не знает, то он, наверное, должен вернуться домой за вещами». Она вспомнила, что, уходя, Антон бросил ключи от дома на стол, но где он сейчас и на что живет, представить себе не могла. Конечно, у ее мужа были коллеги и приятели, но больше пары дней у них все равно перекантоваться не получится. У всех свои семьи, и малознакомый угрюмый дядя явно не будет в радость семьям его коллег. Значит, Антон в ближайшее время должен появиться, ну хотя бы для того, чтобы узнать, где сейчас она, Анна. Звонок сотового телефона заставил Лакрицину отвлечься от мыслей о муже, она взяла телефон и увидела, что это Катерина.

– Да! – Анна решила сменить гнев на милость, потому что скоро ей понадобится прицеп, чтобы перевезти тело на дачу.

– Почему ты не в Париже? – удивилась Катерина.

– А откуда ты знаешь, что я не в Париже? – в свою очередь, удивилась Анна.– Ты что, за мной следишь?

– Да у меня на сотовом город высвечивается, когда набираешь номер, – хмыкнула Афанасьева, – вот я и вижу, что ты дома. Что-то случилось? Сначала этот странный звонок про прицеп, теперь вот никуда не полетели. Антон где?

Анна решила, что не стоит все выкладывать подруге, тем более что она, похоже, и не помнит, что в пьяном виде наговорила на ее дне рождения. Значит, и все остальное ей пока

лучше не рассказывать, посмотрим, что будет дальше.

– Антон спит, а в Париж мы не полетели, потому что завтра в десять утра прилетают мои родители. Так, семейные заморочки.

– Ну, хорошо. – Похоже, Катерина поверила. – Но какая-то ты странная.

– Катя, давай я тебе потом перезвоню. – Анну уже стал напрягать этот разговор, и она прервала связь.

Лакрицина подумала, что надо как-то получить морозильный ларь раньше, чем приедут родители. Конечно, она им все расскажет, но одно дело, когда труп спрятан с глаз долой, и совсем другое, когда он валяется на балконе и воняет. Анна не слишком переживала об убитом дворнике, конечно, можно было этого и не делать, но, с другой стороны, не убил бы Антон его, этот ублюдок убил бы ее. Конечно, волновало, что уже трое суток этот мерзавец лежит у нее на балконе, но скоро и это должно было закончиться.

Анна посмотрела на часы. Уже поздно, надо идти в душ, пить таблетку от головной боли и пытаться заснуть, пока тошнота немного успокоилась. Лакрицина с ужасом подумала о том, что ей делать, если тошнота так и не пройдет. Тогда, наверное, точно придется идти к врачу. Похоже, вор хорошенько ее ударил по голове.

Анна посмотрела в зеркало: шишка немного опала, а вот что касается раны, то она до сих пор выглядела не очень. «Лучше ходить при матери в бандане, – решила она, – чтобы избежать истерик». Лакрицина вышла из душа и сразу же отправилась спать – в последние дни из-за дикого стресса она постоянно хотела спать. Анна легла на кровать, но, несмотря на усталость, долго не могла уснуть, а когда наконец задремала, снова зазвонил сотовый телефон.

Лакрицина долго не могла сообразить, где он лежит, потом спросонья не поняла, кто звонит, а когда наконец пришла в себя, то было уже поздно – грузчики ломались в дверь, намереваясь занести к ней в квартиру морозильный ларь. Предварительный звонок службы доставки гипермаркета бытовой техники остался в заспанном сознании Анны как слабое и размытое пятно. Кажется, ее предупреждали, что сейчас появятся грузчики, и сообщали, сколько надо им заплатить за подъем на ее этаж в грузовом лифте. Лакрицина соскочила с кровати и с недоумением посмотрела на часы – было уже без пятнадцати десять утра, очень быстро прошла ночь. Анна не могла понять, вот ведь только что она приняла душ и легла, а уже утро. Пока она металась по спальне в поисках халата, ее входная дверь буквально ходуном ходила от стука грузчиков. Лакрицина наконец оделась и распахнула дверь настежь:

– Сдурели? Вы чего ломитесь как ненормальные? – Анна прошла в глубь коридора, наблюдая, как пять мужиков пытаются протиснуть ларь в ее квартиру. У нее даже промелькнула мысль, что этот морозильный монстр не развернется в ее коридоре, но в этот самый момент, пыхтя и чертыхаясь, грузчики втоптали ларь в гостиную.

– Куда дальше? На кухню? – Наверное, это был главный грузчик – мужчина с красным от пота лицом обдал Анну удушливой волной кислого дыхания.

– Нет, несите на лоджию. – Анна внезапно поняла, что через узкие двери на балкон этот ларь не протиснуть, и растерялась. Она хотела, чтобы труп хранился как бы вне квартиры, и лоджия отлично для этого подходила, а сейчас, если ларь останется в квартире, значит, и труп все время, пока его не увезут на дачу, будет с ней рядом. Опять затрезвонил сотовый, так не вовремя, что Анна схватила его и прорычала: – Кто еще?

– Анюта, мы прилетели, все нормально! – Это была Тамара Андреевна. – Папа сейчас вещи в машину переносит, скоро будем у тебя. Я ему позвонила и...

– Ладно, – недовольно буркнула Анна, – жду.

Как не вовремя! Слишком быстро прилетели родители и слишком долго копаются грузчики.

– Поставьте ларь возле лоджии. – Анна решила, что так будет легче дотащить труп, раз уж ларь не проходит на балкон. Пока Анюта расплачивалась с мужиками за проделанную работу, в голове у нее крутилась только одна мысль: как теперь перенести труп с балкона в комнату? Меньше всего на свете Лакрицина хотела к нему прикасаться, но, с другой стороны, с порога просить отца перетащить убитого дворника в морозилку – это вообще за гранью. Наконец Анна выпроводила службу доставки восвояси и подошла к ларю. Да, он действительно был огромный. Не меньше метра восьмидесяти в длину и полуметра в ширину, ларь смотрелся как космический корабль, особенно в спальне у выхода на лоджию. Анна сразу же поняла, что больше в этой комнате ни за что не останется спать, пока труп будет лежать здесь, и осторожно вышла на лоджию. «Как же мне тебе перетащить?» – Лакрицина в растерянности топталась на месте, потом вернулась в комнату и решила для начала подключить ларь к электричеству. Но и здесь у нее ничего не получилось: шнур от морозильной камеры был недостаточно длинный, а розетка находилась в самом углу комнаты. Анна в отчаянии всплеснула руками – этот ларь был словно заколдованный!

Лакрицина походила по квартире в поисках удлинителя и, конечно, ничего не нашла – в ее идеальном доме и не могло быть удлинителя, поскольку все всегда стояло на своих местах.

Анна тяжело вздохнула и отправилась в душ – надо было окончательно проснуться, собраться, дойти до ближайшего магазина промышленных товаров и купить этот чертов удлинитель. А еще не мешало бы сегодня оплатить штраф и съездить за паспортом, который она ненароком отдала вместе с другими документами в отделение ГИБДД. Только выпавшись и немного придя в себя после несостоявшейся поездки в Париж, Анна сообразила, что паспорт у нее изъяли незаконно, хоть и случайно, а это значит, что она может написать на них заявление в прокуратуру.

«Как только закопаю труп, так и напишу», – вовремя одумалась Лакрицина. Но штраф все равно оплатить было надо и машину забирать тоже. Без автомобиля она как без рук. Лакрицина максимально осторожно помыла голову – рана слишком долго не заживала, но и ходить по улице как чучело огородное она тоже не могла. Пришлось сушить голову феном и снова повязывать бандану – ходить без маскировки Аня пока не решалась. Девушка нанесла дежурный макияж, натянула джинсы и свитер и вместо того, чтобы побыстрее сходить за этим чертовым удлинителем, села в кресло. У нее резко закружилась голова и едва не вырвало.

«Завтра же запишусь к врачу, – решила Анна. – Головокружение не проходит, тошнота тоже, значит, удар был такой силы, что сотрясение мозга все-таки есть. И придется пить лекарства, или что там дают, чтобы состояние нормализовалось». Лакрицина еще немного посидела, потом ей стало лучше, и она собралась на выход. В подъезде Анна воровато огляделась, меньше всего ей сейчас хотелось видеть разъяренных соседей, требующих с нее деньги за ремонт. Вообще последняя неделя была словно не из ее жизни: у Ани всегда все было спокойно, стабильно и красиво. А здесь – словно ее кто-то сглазил.

«А может, и правда сглазили», – неожиданно пришла в голову к Анне отличная мысль. Ей многие завидовали – и на работе, и подруги. У нее слишком яркая внешность, слишком хорошая работа, отличная квартира и приличный муж со всеми удобствами. Лакрицина

поморщилась – конечно, не вовремя она вспомнила про Антона, вроде сейчас мужа у нее и нет. «А он даже мне не позвонил узнать, как я долетела». Аня уже начала по-настоящему волноваться, потому что, по ее подсчетам, Антон уже должен был валяться у нее в ногах и умолять о прощении. Тем более что на этот раз он сам от нее ушел, что выглядело с его стороны как невиданная наглость и смелость. Лакрицин уже должен молить о прощении, а его все еще нет. И где он живет, тоже непонятно. Анна всерьез стала беспокоиться, как бы не остаться разведенкой раньше времени, она хотела сменить мужа, а не куковать в тридцать лет одна. А для того чтобы достойно сменить мужа, надо оставаться какое-то время замужем и спокойно подыскивать более подходящий вариант. Анна подумала, что сама она, конечно, звонить Антону не будет, но, когда он ей позвонит, наверное, его простит. Хотя бы для того, чтобы не остаться в разведенках, потому что нет ничего смешнее и нелепее, чем тридцатилетняя одинокая женщина в поисках счастья. Анне тридцать лет казались каким-то невероятным возрастным пределом в жизни женщины, о том, что есть и сорокалетние одинокие дамы, Лакрицина и не думала. В сорок лет женщине пора вязать носки и возиться с внуками, в этом возрасте выстроить личную жизнь нереально.

С такими горькими мыслями Анна не спеша подошла к магазину бытовой техники и шагнула внутрь. Небольшое душное помещение с характерным запахом китайского барахла. У Лакрициной снова закружилась голова, и, поспешно купив первый попавшийся удлинитель, она вылетела на свежий воздух. Домой она вернулась совершенно разбитая и уставшая, а ведь ей еще предстояло как-то одной перетащить труп в морозильный ларь, который она уже включила. Лакрицина вышла на лоджию, с тоской посмотрела на тело, поняла, что ни за что на свете не сможет прикоснуться к этому, и вернулась в комнату.

[Купить полную версию книги](#)